

Однажды мы были...

*О Юрии Щекочихине рассказывают Константин Азадовский,
Елена Бондаренко, Алексей Бородин, Евгений Бунимович,
Джон Кохан и Вениамин Смехов*

Юре — 75. В это совершенно невозможно поверить. Те, кто его знал и любил, помнят молодого человека, неудержимого, яростно бросающегося на защиту обиженных и ущемленных, непримиримого врага наделенных властью злодеев и казнокрадов. И при этом безоговорочно, беззаветно уверенного в том, что добро в конце концов победит зло. И в жизни в целом, и в каждом из людей. Предательство, преступления, обман, о которых он писал больше трех десятков лет, его не возмущали, а скорее изумляли и никак не могли поколебать его святую веру в победительную силу добра.

Очень многим близким и дальним эта нелогичная, даже детская какая-то вера давала надежду, помогала.

Его страшная внезапная гибель поколебала надежду у многих...

Он унес с собой как будто какую-то тайну, которая продолжает волновать, какой-то главный ключ к пониманию многих важных вещей. К смыслу истории и логике каждой конкретной жизни, что ли... «Блуждает улыбочкой Юра, последний российский святой», — так сказал о нем Андрей Вознесенский. Он прошел по взрывчатой эпохе, смешавшей обломки уходящего и нарождающиеся ростки в безумном вихре, с этой «улыбочкой», оставив не остывающий светлый след...

Так говорили мы с режиссером Евгенией Головной в 2010 году, когда она пришла ко мне и сказала, что хочет сделать фильм о Юре. К 60-летию. На пике перестройки Женя сняла по сценарию Юры фильм «Лимита, или Четвертый сон», о «неформалах», о неравенстве в молодежной среде, о будущем. Фильм вместе с лентой их общего друга Юриса Подниекса «Легко ли быть молодым?» открыл новые темы, прежде запретные, открыл новую эру в отечественной документалистике.

История создания первого фильма о Юре, как, впрочем, все истории, связанные с ним, сама по себе может стать основой сериала, в котором присутствуют и драма, и детектив, и хоррор, и просто чудо... Как бы то ни было, фильм «Юрий Щекочихин. Однажды я был...» чудесным образом вышел, получил призы. А Женя продолжала снимать. Снимала друзей и учеников, политиков, писателей, коллег и родных, самых разных людей, с которыми его сводила судьба. Был задуман триптих...

Когда Женя внезапно умерла, ее дочь Катя и ученики продолжили работу. Были отсняты десятки монологов и интервью, в которых отразились лица и положения удивительного времени, в которое все мы жили. Которое представляется чем дальше, тем более фантастичным. И тем более непонятным для тех, кто значительно моложе.

В фильм вошли, понятно, лишь небольшие фрагменты, иногда минута-две из нескольких часов беседы. Женя надеялась, что материалы этих монологов и интервью можно было бы со временем собрать в отдельную книгу, которая по-

могла бы, быть может, пристальнее присмотреться не только к фигуре главного героя, но и к ушедшему, стремительно развивающемуся времени, частью которого он был.

Мы с Катей Головной выполняем ее волю и готовим такой сборник — «Однажды мы были». Мы посвящаем его памяти дорогих нам людей, Жене и Юре. А также — времени, в котором нам всем было суждено оказаться.

Предлагаем вашему вниманию отрывки из монологов.

Надежда Ажгихина

КОНСТАНТИН АЗАДОВСКИЙ,

литературовед

Фамилию Юрину я узнал в первой половине 1980-х годов, потому что был прилежным читателем «Литературной газеты». Тогда все читали «ЛГ». Где-то в самой середине 1980-х у меня был разговор с моим близким другом, историком Натаном Эйдельманом. Мы в очередной раз обсуждали мою историю. Нужно пояснить. Я находился тогда в довольно трудном положении. Я вернулся из колымского лагеря, где пробыл почти два года. И начал вести борьбу за свою и моей жены, которая была осуждена вместе со мной, реабилитацию, за восстановление своего доброго имени. И все мои попытки, естественно, оборачивались неудачей. Пробить стену, пробить систему было невозможно. И я порой просто приходил в отчаяние. В один из таких моментов отчаяния, который я вылил на Натана Яковлевича, он неожиданно мне сказал: «Я должен поговорить с Юрием Щекочихиным. Вы знаете, кто это такой?» Я сказал, что да, я знаю фамилию. Это журналист «Литгазеты». Его публикации довольно удивительны, видно, что это человек, который тоже бьется за правду. Но удастся ли ему пробить эту стену? «Не знаю, — ответил Натан Эйдельман. — Но я с ним поговорю». И через какое-то время Натан Яковлевич мне позвонил и сказал, что у него был разговор с Юрой. Что Юра все внимательно выслушал, сказал, что, судя по тому, что за всем этим делом стоит КГБ, сделать что-нибудь будет очень трудно. Но он не отказывается. Он готов. И когда я в очередной раз приехал в Москву, позвонил Юре. Мы договорились о встрече. И встретились первый раз. Так произошло наше знакомство. Никогда не забуду тот первый вечер, который я провел у него дома. Был Юра, была Надя — его жена. И я почти целый вечер рассказывал, путано, перескакивая с одного эпизода на другой, историю, которая со мной и с моей женой приключилась. Мне приходилось много раз рассказывать эту часть своей биографии разным людям. Реакции бывают разные. И по тому, как человек реагирует, я со временем, набравшись опыта, мог что-то уже сказать об этом человеке. Одни люди не хотят слушать, им не очень-то приятно. Другие говорят: боже мой, какой ужас, и закрывают лицо руками. Юра, пока я рассказывал, видно было по его лицу, сопереживал. Он переживал вместе со мной. Я старался не нагнетать никаких ужасов и рассказывать объективно, и тем не менее было видно, что Юра не может не откликаться, не отзываться на этот кровоточащий кусок жизни, который, видимо, открывался в моем повествовании. Впоследствии я мог не раз убедиться, что это качество — умение сопереживать, умение откликаться на боль другого человека и глубоко погружаться в его проблему — было едва ли не одной из движущих пружин его человеческой природы. В своем эссе в книге «Рабы ГБ», посвященном нашему делу, моему и Светланы, Юра описывает такой эпизод. Он вспоминает о том, как получил от главного редактора, уже написав свою первую статью о нашем деле, резкий ответ. Всего было две опубликованных статьи. И первая проходила очень

тяжело. Это был уже 1989 год, казалось бы, перестройка и гласность в самом разгаре, но статья шла мучительно. То одно, то другое. В конце концов, главный редактор «ЛГ» Воронов сказал Юре, что статья не пойдет. Потому что им пришлось отдать ее на просмотр кураторам из КГБ. И те высказали свои замечания в письменном виде. И вот Юра пишет, что сидит в кабинете — он только что получил это известие о том, что статью в лучшем случае отодвинут, — и думает: «Что же мне делать? Я же должен позвонить людям в Ленинград и сказать... Они ждут и надеются, для них это жизненно важно. Их судьба, их дальнейшая биография зависит от того, появится или не появится моя статья. И вот я сейчас должен снять трубку и позвонить, и сообщить им это убийственное известие. Как же я это сделаю?» Несколько абзацев в Юрином большом эссе посвящено вот этому эпизоду, что меня поразило и тронуло глубже всего. Потому что в этом весь Юра. Он думает даже не столько о деле, сколько о том, как эта новая деталь отзовется в других людях. Для него это как для журналиста — да, неприятно, да, он бился, он старался. И вот все равно первое, что он переживает, что ему приходит в голову — как же я им позвоню, как же я им сообщу? В какое состояние я приведу людей этим телефонным звонком?

Отдельный рассказ должен быть посвящен тому, как Юра действительно бился и старался ту статью создать. И в известном смысле он не только автор статьи, но и инициатор того, что наше дело вообще сдвинулось тогда с мертвой точки. Когда Юра, в тот вечер, который я провел у него, выслушал мою историю и посмотрел кое-какие документы, которые я привез, он сказал, что все безнадежно.

Это был еще 1987 год. Горбачевская эпоха началась, но только-только началась, никто и представить себе не мог, как далеко все пойдет и к чему приведет. Мы, по-моему, еще были на «вы». Он сказал: «Вы знаете, здесь ничего не сделать, если в редакцию газеты не обратятся очень крупные писатели. Просто известные писатели и деятели науки, которые вас знают. Они должны подписать какое-то обращение. А мы это перешлем в Генеральную прокуратуру. И только при помощи такого рычага мы, может быть, какой-то кирпич тут в этом деле и сковырнем. А вот так просто сесть написать статью не пойдет. Поверьте мне, не пойдет». Я и сам понимал, что не пойдет. И был составлен текст. Его подписали действительно видные писатели. Тогда начинали звучать уже в новом контексте, в связи с новой эпохой, имена некоторых писателей, имена Рыбакова, Окуджавы, того же Эйдельмана, академика Лихачёва, Приставкина. Это были уже больше, чем просто имена крупных ученых, известных писателей. С некоторыми был знаком, далеко не со всеми. Но мне очень помогли тогда в Ленинграде академик Лихачёв, в Москве — Каверин. Примерно 15–18 подписей было под этим письмом. И оно пошло в «ЛГ», было переправлено в Генеральную прокуратуру, и через некоторое время пришел ответ, отменивший приговор 1981 года по моему делу. И все пошло. Дело стало рассыпаться. Рассыпалось оно очень долго и очень мучительно. Об этом Юра рассказал в своей статье 1989 года (*«Ленинградское дело образца восьмидесятых»*. — Прим. ред.), потому что она уже совпала по времени с пересмотром этого дела, который привел в конце концов к оправданию в отношении меня, но не к оправдательному приговору, а к закрытию дела за недоказанность. А оправдательный приговор и признание меня и впоследствии моей жены жертвами политических репрессий — это было уже через много лет. Стену пришлось пробивать приблизительно два десятилетия. В декабре 1980-го я был арестован. Где-то в начале нулевых годов, в 2001-м, был получен последний нужный по этому делу документ о том, что моя жена тоже признается жертвой провокации со стороны КГБ. 20 лет! И примерно лет шесть-семь из этого двадцатилетия я прошел бок о бок с Юрой. Моим ближайшим советником, вожатым, в каких-то ситуациях защитником был именно он.

Что бы я сейчас ни сказал о своей благодарности Юре — это все будет недостаточно, потому что, как известно, никакие слова не могут передать по-настоящему глубоких чувств и переживаний. Я скажу только, что и время уже, казалось бы, благоприятствовало реабилитации, восстановлению справедливости, но это касалось лишь определенных дел. Это не касалось меня, моей жены. Потому что у нас были не политические дела, меня обвинили в незаконном хранении анаши, которая была во время обыска «найдена» на книжном стеллаже. Признать уголовное дело делом политическим, то есть признать, что КГБ фабриковало уголовные дела, было даже в 1990-е годы довольно сложно.

Юра не оставлял надежды, что после первой статьи ему удастся вывести это дело и на такой уровень разговора. Но оправдание оправданием, а нужно говорить о том, как работала система. Кто действительно стоял за этими делами. Назвать фамилии, назвать виновных. И, если бы не его усилия, то мы вряд ли получили бы в 1993–1994 годах те документы, которые удалось в конце концов добыть.

Конечно, наступило новое время. После 1991 года все стало проще. Но не так просто, как хотелось бы. Юре это удалось. И на стол легли документы, точнее, копии документов с грифами «секретно» и «совершенно секретно», в которых вся провокация в отношении меня и Светланы была рассказана и написана, и значительную часть этих документов Юра опубликовал в 1994 году во второй посвященной нашему делу статье, которая называется «Ряженные». «Ряженные» — то есть милиция, и даже не милиция, главным образом, а чекисты, которые являются на обыск под документами прикрытия, как это у них называется. Вся история нашего дела, кто хочет знать подробнее, именно в этой статье Юры. В 1989 году он еще вынужден был считаться с обстоятельствами и с цензурой. И роль КГБ там раскрыта скорее намеками. А здесь все сказано в полный голос.

Когда мы потом встречались, перешли на «ты», сдружились, сидели выпивали, разговаривали, он всегда говорил не без удивления, что, знаешь, вот я же писал о многих людях, и сейчас возникают разные сюжеты, но ни с кем или почти ни с кем из моих «подопечных» у меня не завязывались такие близкие, дружеские отношения, как завязались с тобой. В чем дело? Я говорю: я не знаю, в чем дело, Юра. Мы действительно довольно разные люди, удивительно. Юра объяснял это тем, что наше знакомство как бы осеняет фигура Натана Эйдельмана, которого он безумно любил, уважал и ценил. И это был один из людей, на которых он как-то внутренне равнялся. Но я бы добавил еще и то, чем он меня заражал. Мы тянемся к другому человеку, когда в нем есть что-то такое, что нас захватывает и притягивает. В Юре меня захватывало его внутреннее благородство. Вера в то, что даже в наших обстоятельствах, в нашей стране чего-то можно добиться. Можно вытащить человека из ямы. Можно раскрыть преступление, если даже это преступление прикрыто громкими именами или огромными деньгами. Можно и нужно что-то делать. Само по себе ничего не произойдет. В советское время было такое выражение — настоящий человек. Была даже «Повесть о настоящем человеке». Так вот среди настоящих людей, которых я встречал за свою жизнь, а я встречал очень многих, Юра был, наверное, самым настоящим. Такие люди вызывают к себе ненависть у других людей в нашей стране. Вот такие мы. Вот такое мы государство. И почему-то они гибнут все время не своей смертью или преждевременно уходят из жизни. Собчак, Старовойтова, Немцов, очень длинный список. Все люди с одного фланга.

ЕЛЕНА БОНДАРЕНКО,

журналист, поэт, общественный деятель, член избирательного штаба независимого кандидата в депутаты Верховного совета СССР Юрия Щекочихина от Ворошиловграда (впоследствии при его участии вернувшего историческое имя Луганск)

Ворошиловград в 1989 году — итээровский город, где масса крупных предприятий, везде отделы главного технолога, конструкторские бюро и так далее... Люди читающие. И «перестроечная» литература захватила город. Среди этих публикаций эффект разорвавшейся бомбы — статьи «Лев готовится к прыжку» и «Лев прыгнул». Я работала тогда на швейном объединении в редакции многотиражки. И собственноручно эти большие статьи на машинке тайно перепечатывала, потом передавала надежным людям в цехи. Народ зачитывал их до дыр. Дышали этим воздухом. Они говорили: «Господи, какие героические люди, какой этот Щекочихин! Он об этом не боится писать». А у многих еще в памяти генетической, от родителей, сталинские времена...

Трое авантюристов из режимного предприятия — станкостроительного завода имени Ленина (на самом деле это был патронный завод, но об этом, естественно, никто нигде не сообщал) — Сережа Тихановский, Юра Протасов и Виталий Беликов, начитавшись этих Юриных публикаций, решили: а давайте...

На выборах в Верховный совет СССР от нас баллотировался председатель Госнаба Украины Павел Мостовой. Очевидно, для него это было своего рода трамплином. Вскоре стал председателем Госнаба СССР и освободил свое депутатское место. И у нас в конце октября предполагались довыборы. И вот ребята на довыборах предложили Юрия Петровича в качестве кандидата. Юрий Петрович об этом не подозревал. Это было все чистойшей воды на грани сумасшествия, вот такая авантюра. И один из этих ребят, Беликов, позвонил в «Литературную газету», дозвонился... И Юра приехал. Произошла встреча на территории. Опять-таки чистойшей воды авантюра, все делалось в виде лекции на темы журналистики.

Он произвел совершенно очаровательное впечатление на народ, работающий на предприятии. А потом происходит выдвижение кандидатом в депутаты Верховного совета СССР товарища Ивана Андреевича Ляхова — первого секретаря Ворошиловградского обкома компартии Украины. Ну, конечно, очень престижно на таком предприятии быть выдвинутым. Общее собрание. Иван Андреевич выступает, благодарит... и вдруг из зала поступает предложение: «Уважаемые товарищи, как мы знаем, Михаил Сергеевич Горбачёв говорит об альтернативных выборах, существует уже вновь принятый закон. Мы предлагаем альтернативную кандидатуру. Иван Андреич, вас же уже на многих предприятиях выдвинули. А мы предлагаем Юрия Петровича Щекочихина». В итоге большинством голосов Юрий Петрович был выдвинут кандидатом в депутаты Верховного совета СССР. В народные депутаты — так это звучало. Стал создаваться штаб, это были уже журналисты. Юра их раньше знал — Петя Шевченко, приехал из Киева Сергей Киселёв... И Петя позвонил мне, спросил, не хочу ли я работать в штабе Щекочихина. Я говорю: ну, мы с ним лично не знакомы... А он отвечает: мы к тебе в гости придем.

Петя тогда не смог, пришли Серёжа Тихановский, Юра Протасов и Юрий Петрович Щекочихин. Мы тогда очень тепло посидели, поговорили, пообщались, сразу нашли какое-то взаимопонимание, началась работа. А дальше все нарастало фантастическим каким-то снежным комом. Было достаточно холодно, но возникло такое впечатление, что в городе наступила весна. Вот все куда-то бегут, все носят листовки, все их расклеивают. По ночам. Листовки готовили в совершенно разных местах. На том же заводе имени Ленина — на режимном

предприятию с помощью ротопронта... В некоторых научных учреждениях руководство даже не подозревало о том, что на их ротационной технике изготавливаются листовки. Ваша покорная слуга занималась тем же самым у себя в редакции, а тогда многотиражки были органами парткома. Я была корреспондентом, а редактриса страшно всего боялась. Мы сидели лицом к лицу с ней, я в это время печатаю листовки, а она ни о чем не догадывается. И я представляю, что бы с ней случилось, если бы она тогда, бедняга, узнала... Люди печатали их на работе, сами придумывая тексты. Причем, я должна сказать, ни одного провокационного текста не было замечено. А потом, впервые в истории города, я не знаю, может быть, даже впервые в истории украинского избирательного процесса, мы использовали, сами не зная, что это так называется, сетевую систему выборов. У нас были созданы группы, был руководитель, который, соответственно, отвечал перед другим человеком, были люди, которые отвечали за листовки. Поразительная дисциплина. Я не помню случая, чтобы кого-то попросили выйти раздавать листовки, и кто-то сказал, что он не может. Помню такой вот момент. Возле нашего швейного объединения, у проходной, молодые ребята, педагогический институт. Мне кажется, что практически все студенты работали. Были прекрасные преподаватели, наши товарищи — Юрий Михайлович Козовский, Василий Иванович Поклад, еще несколько человек... Девочки и мальчики раздают листовки. Вдруг ко мне прибегает человек: «Там милиция приехала, там сейчас ваших заберут. Детей заберут сейчас». Я выхожу, наблюдаю. Стоит милицейская машина. Вышли двое милиционеров. Так они и стояли. Никого не взяли. Потом уже, гораздо позже, мне Вася Поклад рассказал, что руководитель областной милиции Дидоренко, которого пытались всячески «нагнуть» в обкоме, задействовать милицию, пресечь, отказался. Юра был знаком с ним лично. Дидоренко не принадлежал к каким-то героическим личностям, но он просто знал границу, которую нельзя переступать. Таким образом, милиция не работала против кандидата Щекочихина. Зато обком и «органы» работали в полной мере. Мне даже иногда кажется, что они очень в этом Юре помогли. Потому что народ настроен был очень уж критически, мягко говоря, к этим товарищам. Был даже такой случай фантастический, когда во втором туре листовки за Юрино конкурента разбрасывали с какого-то летательного аппарата, кажется, вертолета. И в это время двигалась, Господи прости, похоронная процессия. Так вот листовки посыпались на процессию. Об этом моментально узнал весь город. Никто, конечно, особо не смеялся. Но очков кандидату-оппоненту это убавило. Первый митинг мы хотели провести на заводе, потом на стадионе «Авангард», но нам не разрешили. Провели на улице, установили помост, Юра там выступал. Народу... боже мой! Я никогда до этого не видела столько людей, которые пришли его просто послушать. Юра был совершенно не из тех, которые у нас из выборов в выборы переходили. Застегнутые напроць, чопорные, всего боящиеся, официальные. Юра был совсем другой. Когда он выступал в дебатах по телевидению, мне кажется, весь город прикивал к телеэкранам. Помню, соседка звонит мне в дверь вот с такими глазами: «Там, там, там Щекочихин выступает». Оказывается, она бегала по этажу сообщать всем соседям: смотрите, Щекочихин по телевизору...

Он был искренним. А люди всегда чувствуют, когда с ними говорят искренне. Это нельзя придумать. Нельзя сыграть. Он был где-то, может быть, наивным в своей вере в честь, в справедливость, в порядочность. Он верил всем априори. И этому он нас научил. Презумпция порядочности...

Он рвался всем помочь. Он был феерический, неумный, безостановочный... Может быть, и не только потому, что всем старался помочь, а еще и потому, что всех слышал. Умудрялся всех слышать. И то, сколько и как он сделал для Луганска, мне кажется, впоследствии уже никто не смог...

Была громадная вера, и эту веру подпитывал и держал вот так на себе, на своих руках Юра. Это была вера в то, что каждый из нас может изменить мир, может изменить ход истории, может изменить к лучшему то место, где живет, свой город, свой дом. Это была громадная вера. То, чего сейчас обществу катастрофически не хватает...

Почему-то всегда вспоминается вечер, почти ночь второго тура. Мы сидим в гостинице «Луганск». Народу прибывает. Потому что о том, где живет Щекочихин, знал весь город. Это понятно. Это сейчас мы представляем, что ему могла грозить какая-то опасность. Людей было все больше и больше, в номере уже все не помещались. И потом кто-то позвонил, может быть, это был Петя, потому что он работал на подсчете, и сообщил, что, по предварительным данным, где-то 80 процентов. Потом оказалось больше 80 процентов, мы победили... И тут сразу новый звонок. Оказывается, это один из известных местных деятелей горкома компартии, который очень активно по поручению вышестоящего руководства добивался, чтобы выбрали Юриного конкурента. Он позвонил и радостным голосом: «Юрий Петрович, я вас поздравляю, мы победили! Мы победили! Я поздравляю вас с депутатством». Юра начал громко смеяться. Спустились на улицу, а там народу, студентов... Все стоят, все кричат, все аплодируют. Не буду преувеличивать, но мне кажется, что Юру качали. Потом мы пошли к Пете Шевченко домой и вот там уже отметили. Было состояние совершенного восторга от того, что мы это сделали.

Он остается... Вот я сейчас об этом говорю, он со мной здесь сейчас. А мешали, конечно. Машинами «скорой помощи» перекрывали ему дорогу: вот Щекочихин едет на встречу с избирателями, а тут больные, их везут, а он мешает им... Его не пускали на предприятия, и тогда люди выходили сами навстречу. На литейно-механический завод его не пустили, и народ вышел, хотя это было рабочее время. В ДК имени Ленина предполагалась встреча, его туда не пустили. Все люди, огромный зал, вышли из ДК, и встреча все равно состоялась...

Благодаря Юре мы объединились и создали ассоциацию избирателей. Он присутствовал на учредительном собрании. В следующем году, в 1990-м, у нас были местные выборы. И благодаря этой ассоциации мы обеспечили по городу наблюдателей, доверенные лица очень активно работали. Уже тогда избирательная сеть очень хорошо работала. Так вот я думаю, что это была идея прежде всего Юры. Это он очень много сделал для дальнейшего развития города... Огромная его заслуга в том, что он неустанно продолжал говорить о чести, справедливости. Он работал очень много. Встречи были, везде его рвали на части. Все хотели пообщаться. А сколько народу к нему шло за справедливостью, это трудно даже вообразить! И мне кажется, что не было ни разу, что он кому-то не помог.

Юра изменил не только мой родной город. Юра изменил не только меня. Я хотела быть таким журналистом, как он. И я думаю, что он изменил очень многих людей, которые сегодня стараются делать лучше и мир, и окружающих, и свою страну, и свой город. И это огромная его заслуга. Его заслуга в том, что он помог нам стать командой. Он показал, что мы можем быть не по одиночке. Он показал пример бесребреничества, скажем так. Заслуга его и в том, что остались люди, которые продолжают, может быть, наивно верить в те слова, которые иногда кажутся нам, к сожалению, уже избитыми. Честь, справедливость, человеческое достоинство, порядочность... Все это тоже благодаря ему. То есть он остался в нас. Не с нами, а в нас. И наш жизненный путь — я говорю о себе, о своих товарищах — сложился именно таким образом, когда нам утром не стыдно посмотреть в зеркало и не стыдно глянуть своему ребенку в глаза. И Юра нам в этом помогает...

АЛЕКСЕЙ БОРОДИН,

художественный руководитель Российского академического молодежного театра

1985 год, я в театре уже пять лет. Театр, где работала Кнебель, начинал Ефремов... И понимал, что мы задыхаемся от того, что современную, сегодняшнюю тему, которая на улице, театр как-то обходит. Правда-неправда, показуха, то, что на самом деле происходит, — этого не было. Прежде я работал в Кирове, где мы жили свободно, там был очень толковый обком: «Вы художник — вы решаете!» Я с этим настроением в Москву и приехал. И вдруг понял, что, боже мой, я столкнулся с чем-то глухим: воздух здесь такой, как будто никто никогда не открывает окна. Я понял, что надо открыть все окна, чтобы подул ветер и вытащил отсюда всю эту бодягу, которая тогда культивировалась. И вот мой ближайший соратник, Лена Долгина, завлит, рассказала мне о Юре, была с ним знакома. И как-то подвигла его написать пьесу по очерку в «Литературной газете». Я, конечно, познакомился с Юрой, и, знаете... Знакомишься и в ту же минуту понимаешь, что это твой человек. Он был невероятно обаятельный, искренний, очень открытый и очень, очень знающий то, что происходит вокруг. Он находился внутри всех этих тем. Как-то сразу договорились, и он принес свою пьесу «Ловушка № 46, рост второй». Она была скорее похожа на репортаж с точки зрения драматургии, но там было другое. Это было совершенно обнажено и обожжено сегодняшним днем. Писал человек с полным знанием дела. И, конечно, пропускающий все через себя. Это вообще поразительное его качество, он все пропускал через сердце. Я, конечно, озарился, что называется. Было очень заманчиво войти в его мир, прежде всего, в мир вот этих ребят, подростков.

Должен сказать, я очень хорошо себя помню в 13 лет. У кого-то раньше, у кого-то позже, но в какой-то момент понимаешь, что человек смертен. Вот у меня в 13 лет это произошло, когда меня охватила какая-то паника... Тема этого труднейшего возраста, она важна — с одной стороны, тогда открывается мир уже совсем сознательно, и вместе с этим, конечно, человек сталкивается с какими-то проблемами очень-очень-очень серьезными.

В это время в театр пришла большая группа молодых артистов. Кто-то из них уже был в театре, скажем, Лёша Блохин. А вот Женя Дворжецкий, Лёша Веселкин, Серёжа Серов, Лара Моравская, Саша Михайлов, Боря Шувалов пришли уже потом, примерно в одно время, и составили очень мобильную, очень талантливую, очень пытливую и очень честную команду. У всех была очень ясная позиция в отношении того, для чего, например, театр существует.

Когда мы их собрали, и, естественно, познакомили с Юрой, начался этот потрясающий контакт талантливейшего, ярчайшего журналиста с молодыми очень талантливыми ребятами и со мной... И, конечно, с прекрасным художником Стасом Бенедиктовым...

Чтобы начать что-то ставить, надо понимать: спектакль требует затрат и нужно получить разрешение в министерстве. У нас там была добрая знакомая Светлана Романовна Терентьева, в редакторском отделе, она курировала театры такого рода, как наш. И она нас поддержала, принесла пьесу начальству. Замминистра, образно говоря, кинул пьесу ей в лицо, сказал, что никогда.

Ну, Светлана Романовна — тертый калач, не испугалась. Я пошел к этому замминистра, была его очередная встреча с руководителями театров, я что-то ему плел, и про то, какой у нас театр, что мы делаем, как... И сказал, между прочим: «Слушайте, там есть одна пьеса, такая современная. Неизвестно, что получится, но мы начнем репетировать, ну, без затрат, без малейшей копейки?» И он сказал: «Ну, давайте, пробуйте». Мы это получили! Все, вперед!

Начали репетировать. И вы знаете, мы сделали спектакль за два месяца, что было по московским меркам вообще невероятно в тогдашнее время. Все заразились этим, понимаете? Это были два месяца такой радости и такого творческого счастья!

Юра, естественно, приходил на репетиции. И другие люди с ним. Инна Туманян, помню, говорила: «Какие вы счастливые, вы можете все что-то сделать и на следующей репетиции поменять. А в кино — что сняла, то сняла, уже никуда не денешься». Все были очень-очень увлечены. У меня тогда уже был курс в ГИТИСе, и я привлек на массовые сцены совсем молодых ребят. У нас возникла идея, что на сцене будут трибуны стадиона. Остаются какие-то деревяшки в цехе столярные, как-то из них сколотили эту трибуну. Потом ленты нашли... Одевались тоже... Я до этого оказался в Португалии и на каком-то рынке купил себе немножко пижонскую куртку. И Жене Дворжецкому каждый раз приносил эту куртку, и так, с миру по нитке, на самом деле, не потратив вообще ничего — и, в общем, готово.

Юрина пьеса стала не просто событием... Здесь уже можно было, что называется, крикнуть. Крикнуть громко, открыто: «Правда!» «Правда» как радостное слово...

Прогон. Я вышел в фойе и вдруг увидел 50 таких мужчин в галстуках, представительных. Значит, из определенных органов. Каким образом они об этом узнали? Они и были первые наши зрители, которые, кстати, как-то ушли, да и все.

Теперь нужно было показывать начальству из министерства. Мы театр федеральный, поэтому подчиняемся министерству непосредственно. И вот началось... Мы сделали спектакль за два месяца, а потом сдавали его три месяца. Господи боже мой, приходил один, смотрел на прогон, другой... Нам сделали, как потом подсчитали, 68 замечаний. Саша Хотченков играл журналиста, который вспоминает свою историю. И, в общем, вся надежда была на него, потому что он может сказать в принципе любые вещи, вполне удобоваримые для начальства. Он каждый раз учил новый текст. Юра писал, а Саша его выучивал.

У нас сомнений вообще не оставалось. Это было самое веселое время жизни, мы репетировали или прогоняли, а после этого все собирались. Юра привел с собой потрясающую братию журналистов, Паша Гутионтов, Лёня Загальский, Мидхат Шилов... И не только журналистов, но и единомышленников, что называется, своих. Ролан Быков, Олег Павлович Табаков, Евгений Евтушенко, ну и так далее и так далее. Люди потрясающие, которые очень, конечно, нас поддерживали. Табаков сказал: «Ну вот, детский театр, — он назывался тогда Центральный детский театр, — потерял невинность наконец-то». Вечерами мы собирались, Юра пел и другие пели, чуть-чуть пили. Это было такое единение людей, я уже более старшего поколения, а они там, в основном, молодые...

Артисты обожали Юру, Юра тоже их обожал. «Моя команда!» У нас была команда. Потом Серёжа Серов обозвал его Щекочеховым. Как бы «Ловушка» — наша «Чайка». Щекочехов наш, значит.

Спасибо Светлане Романовне, потому что она каким-то путем невероятным лид (*разрешение. — Прим. ред.*) на нашу постановку получила. Но тут время переменялось. Мы начали чуть раньше, чем это произошло. Пришел Горбачёв, и стала жизнь меняться на глазах просто очень-очень круто. И, конечно, мы это все приветствовали.

Что начало твориться!.. Зрители приходили, все было битком всегда, и молодежь, вот эта подростковая, и постарше, и просто театральные люди, и великие люди... И чаще всего после спектакля в моем кабинете собирались — в том числе из министерства — уважаемые люди, все это обсуждалось. Потому что наш спектакль уже посмотрели все, кто только должен был посмотреть к тому времени.

Спектакль был довольно яркий. Зал замирал, потому что, во-первых, сама лексика, то, как разговаривали друг с другом персонажи, сама ситуация была знакома людям, сидящим в зале, но они никаким образом не могли себе представить, что это можно со сцены говорить вслух. Я помню, прямо сразу замирал. Пройдет, я не знаю, три-четыре минуты, и вдруг наступает какая-то такая совершенно мертвая тишина, потом какая-то более живая реакция. Во всяком случае, зрители были готовы к тому, чтобы со сцены наконец-то про сегодняшний день звучала правда. Настоящая, без прикрас, драматичная.

...Потом Юра задумал новую пьесу, которая в результате стала называться «Между небом и землей жаворонок вьется». Тема совершенно закрытая тогда, тема наркомании. Она была нами решена достаточно театрально. Женя Дворжецкий играл наркомана, я говорю: «Жень, может нам съездить в какие-то заведения, посмотреть, как они и что?» Он замечательно ответил: «Ну да, можно, конечно, поехать, а можно придумать». Понимаете? Вот это «придумать», увидеть с творческой точки зрения. И он, между прочим, прав, спектакль у нас получился как бы выходящий за пределы темы. Линия лирическая там прозвучала сильно, и играли, естественно, те же самые артисты. И этот спектакль, конечно, мы тоже очень-очень любили...

ЕВГЕНИЙ БУНИМОВИЧ,

поэт, прозаик, эссеист

Мне кажется, Юра, Щекоч, — не тот человек, о котором можно вспомнить просто потому, что приближается какая-то дата, дело в том, что он как бы не ушел. Его совершенная невероятность, необыкновенность как человека, как журналиста, как депутата — она остается...

Есть много людей неплохих и талантливых в каждой профессии, но ничего подобного, уникальность в них не возникла. Юра, с одной стороны, был уже взрослый, трезвый, состоявшийся человек, который занимался тем более такой вещью, как коррупция в масштабах страны, и мафия, о которой он первым заговорил в России, касаясь, может быть, самых страшных системных и циничных моментов нашей жизни. А с другой стороны, он всегда был абсолютным мальчишкой и романтиком. Вот это меня поражало. Я знаю не только многих журналистов, но и тех, кто занимается серьезными расследованиями, это люди часто мрачные, нервные. А у Юры были всегда абсолютно распахнуты глаза, и он оставался всегда с каким-то невероятным доверием к людям. Вообще, такое впечатление, что он вовремя не повзрослел. В школе, на уроке литературы, тебе читают какие-то цитаты, Толстого и других. Скажем, если плохие люди объединяются, то почему бы хорошим людям, которых больше, которые лучше, не объединиться? Обычно все это забывают сразу после школы. А Юра это воплощал в жизнь. У него было такое мощное силовое поле, что он собирал вокруг себя огромное количество людей. И всех бесконечно знакомил, по десять раз, потому что ему хотелось, чтобы все были вместе. Причем, я скажу осторожно, это были далеко не всегда самые лучшие люди. Иногда просто очень сомнительные по своей репутации, по своим действиям. Но он бесконечно верил в хорошее, верил, что можно вытащить из человека хорошее. Удивительно, что рядом с ним эти люди действительно как будто становились лучше, старались быть лучше, они были другими, чем в каком-то ином контексте.

Юра был крупным политиком. Многие крупные политики стараются изобразить демократизм. Подойти к людям, поздороваться, одеться в какую-то более скромную одежду и так далее. Юре этого не надо было. Он просто не обращал на это внимания. Я вспоминаю нашу знаменитую смешную историю. Он жил в

Переделкино, мы тоже, часто из Дома творчества приходили в его домик. Юра как-то обещал нас взять с собой в Москву, шел ливень, у него как у депутата была машина. Мы стоим, никто не приезжает. Вдруг появляется машина, и водитель спрашивает: где тут дача депутата? И пытается произнести фамилию, трудную. Мы радостно садимся в машину и подъезжаем к его даче — там стоит Юра. Оказывается, водитель десять раз проезжал мимо. Во-первых, он не мог представить, что эта кривая избушка и есть дача депутата, зампреда комиссии, а самое главное — вот этот человек никак не похож на морды, которые мы обычно видим по телевизору. В плащике, под зонтиком... что это и есть депутат Щекочихин! Я много раз видел это изумление не только у водителей. Могу сказать, что мы бывали в каких-то высоких международных сферах вместе, и, мне кажется, там тоже были изумлены. Они не видели никогда таких депутатов. Он не был похож на них и внешне и по сути. Как журналист, как настоящий правозащитник он не останавливался, все время боролся за правду, за каждого человека, не важно, хороший он или не очень хороший. И был почему-то уверен, несмотря на все несправедливости, которые есть вокруг нас, что справедливость все равно восторжествует. Мне кажется, подобная уверенность нам позарез сегодня необходима. Может быть, в моем возрасте это уже трудно. Но у молодых — я вижу, есть это ощущение. Просто в силу молодости. «Эти уйдут, а мы останемся. И мы что-то сможем». Мне нравится в новом поколении — а я много общаюсь с тинейджерами, с молодыми — несвойственная нашему поколению трезвость. Они очень ясно и трезво оценивают и свои возможности, и перспективы, профессиональные, человеческие, они умеют понимать, что он или она из себя представляет, какие у них сильные и слабые стороны. Но мне хотелось бы, чтобы за всем этим не был потерян нужный импульс, вера в невозможное. То, с чем шли французские студенты в 1968 году. Делать только то, что невозможно, и верить в это. И думаю, все произойдет.

Трагическая судьба. Страшное ощущение от Юриной ужасной внезапной смерти. От его жизни ощущения трагического не осталось. Андрей Вознесенский на одном из первых вечеров памяти Щекоча читал стихи, там есть строчка «Последний российский святой». Когда мы представляем лица святых, они там, вдали. А Щекоч — близко, вот он, рядом с нами. Но, наверное, они такими и были — казавшимися нелепыми, а на самом деле очень точными, абсолютно правильными, естественными и абсолютно уверенными в своей правоте. Хотелось бы, чтобы это не потерялось. Уверенность, которая бывает в молодости и которую очень трудно сохранить в дальнейшей жизни. У мальчишек, у девчонок большие планы. Постепенно эти планы скукоживаются. У Юры его планы, его задумки, что бы ни происходило, оставались такого же масштаба всю жизнь.

Если говорить о Щекоче, он пришел в политику не потому, что была возможность, а потому, что не мог иначе. Это темперамент, уверенность в том, что справедливость не может не восторжествовать, что честность и человеческая правильность, понимание, что справедливость разумна. Мне нравилось, как он относился к своим героям. Люди, которые делают страшные, жуткие вещи, он к ним относился как к каким-то недоумкам. Он их не то что не боялся, он думал — ведь честно жить гораздо лучше... Гораздо естественнее. Это люди, которые что-то недопоняли...

Мы родились в совершенно жуткие годы. Мне даже в голову не приходило, что все может резко измениться. И тем не менее изменилось. Очень важно, чтобы во время этих перемен, которые рано или поздно происходят на протяжении твоей довольно длинной жизни, ты был готов к тому, чтобы вся твоя предшествующая жизнь тебя сформировала так, чтобы ты не оказался в позиции, когда уже ничего не хочешь или не можешь.

В школе, в старших классах, когда все поглощаешь, читал книжку Василя Быкова, хорошего писателя, про партизан. Два партизана, которых взяли, обсуждают, сотрудничать с врагом или нет. И один другому говорит: не лезь в дерьмо, не отмоешься. Вот не надо лезть в дерьмо. Это очень просто. А Щекоч на такое был не способен вообще.

В нынешнем поколении молодых я вижу опору на профессионализм, им хочется найти любимое дело, что-то свое. Надо при этом понять, что важно еще не идти на компромисс, оставаться самим собой. Начинать с малого. Когда рассуждают о патриотизме, обычно говорят о чем-то огромном, необъятном и непонятном. А ведь патриотизм начинается со своего дома, семьи, улицы. Если начнешь правильно строить свою жизнь, то получится и что-то большее. Самое главное — не терять себя... Сохранять чувство собственного достоинства.

Я за свою жизнь нескольких таких людей встречал, включая моих учителей, и Щекоч — один из них. И мне это очень помогало. И я надеюсь, что нынешние ребята тоже найдут тех, кому они поверят и кто будет рядом.

Сегодня политика, к сожалению, взяла многих за шиворот, перевернула многие судьбы, и мне кажется, что нынешние молодые будут другими, чем те, кто постарше, кто жил в спокойное время. Они не могут не почувствовать, что им надо действовать. Говорят, политика — грязное дело. Она грязное дело, если мы отдаем ее грязным людям. Если мы понимаем, что политика — наше дело, у нас есть шанс. Мне, конечно, было легче: рядом был Щекоч, он меня сюда привел, и рядом с ним говорить о том, что политика — грязное дело, было странно.

Я не сомневаюсь, что молодые сделают нашу жизнь лучше. Когда ты разговариваешь с ними, кажется, что-то еще будет. Хочется в это верить. Удивляет сочетание масштаба их желаний, их грандиозности и осознания, что им важно понять, кто ты есть, чем хочешь заниматься, как и с кем жить. Они в чем-то более инфантильны, за счет большего комфорта, а с другой стороны — более взрослые, чем были мы, в понимании того, что есть моменты, пусть и не так много, когда надо делать выбор. И, мне кажется, они чувствуют ответственность за этот выбор.

ДЖОН КОХАН,

шеф московского бюро журнала «Тайм» в 1988–1996 годах

Если бы я мог придать человеческое лицо тому, что называлось гласностью, это было бы, вне всякого сомнения, лицо Юрия Щекочихина. Его жизнь и работа лучше всего отражают тот исключительный и волнующий период новейшей русской истории.

Окончание гласности — и внезапная смерть Юрия — наполнили меня чувством глубокой утраты. Вместе с тем нахлынули воспоминания об ушедшем времени, на которое пришлось и лучшая пора моей двадцатилетней журналистской карьеры.

Впервые я встретился с Юрием вскоре после того, как стал работать шефом московского бюро журнала «Тайм», летом 1988 года. Готовя текст об организованной преступности в Советском Союзе, я наткнулся на статью в «Литературной газете». Статья называлась «Лев прыгнул», ее написал журналист Юрий Щекочихин, и она произвела в Москве большой шум.

Я связался с Юрием, и он согласился на интервью. Я был очень доволен нашей беседой, тщательно проверил все факты и отредактировал. Затем, к своему ужасу, увидел то, что вышло в журнале. Прекрасная цитата Юрия в заключительном абзаце была приписана Михаилу Горбачёву затуманенными глазами ночного нью-йоркского дежурного, который сокращал верстку. Я немедленно

позвонил Юрию — объяснить, сказать, что это, наверное, моя самая грубая ошибка. В своей манере Юрий начал хихикать, и мы вскоре подружились.

Юрий стал моим главным гидом и спутником сквозь все загадки, абсурды, двусмысленности и прочие обстоятельства эпохи перестройки. Он бесконечно наслаждался новыми свободами для журналистов, он знакомил меня с людьми, местами, долгое время остававшимися совершенно недоступными для западных корреспондентов, работавших в СССР.

Самое памятное наше журналистское «совместное предприятие» привело нас на Юрину родину, в Тамбовскую область, зимой 1989 года. Мы решили написать параллельно мои и его впечатления об изменениях в провинции — для специального номера «Тайм», посвященного СССР периода Горбачёва. Это был, насколько мне известно, единственный опыт подобного кросс-культурного репортажа. Я не мог не улыбнуться тому, что местные власти значительно больше опасались репортажа Щекочихина из «ЛГ», чем американского журналиста: такова была репутация Юрия!

Юрий был не только великолепным журналистом, он обладал величайшим обаянием и чувством юмора. И редким даром собирать людей вокруг кухонного стола...

Наши отношения стали прохладнее, когда он решил пойти в политику. Американским журналистам вроде меня это доставляло определенный дискомфорт, наводило на мысли о конфликте интересов...

...Кто победил в нем, член парламента, облеченный властью и полномочиями, или журналист, которого ноги кормят? Мне было не до сомнений. Я знал, что он служит только правде.

«Нормальный» — это определение меньше всего для него подходило. Было в нем что-то, указывающее на иное время, место и понятие чести.

Теперь, когда благодаря кинематографической версии «Властилина колец» Толкиена создалась новая мифология нашего постиндустриального времени, я бы попытался назвать Юрия русским Бильбо Беггинсом — с его любовью к приключениям, мужественным поступками и верностью написанию хроник.

ВЕНИАМИН СМЕХОВ,

актер, писатель

Это было просто вчера-позавчера. Компания в «Литгазете» на хвосте уже эпохи застоя — Юра Щекочихин, Лидия Графова, Аркадий Ваксберг... В газете у Чаковского, это брежневский такой цепной пес, а ребята были замечательные, и публикации — в них появилось дыхание чести, достоинства, это было предвестником перестройки. Юра Щекочихин как будто с рождения был «заряжен» на жизнь через эпоху. Он понимал, что всего этого скоро не будет. Это даже не журналистская черта. Бывают такие люди — вот как Ролан Быков в искусстве театра, кино, режиссуры — стремительные, заряженные на то время, когда в России наступит справедливость. И молодежная тема, которую он держал, чувствовал. Ведь нормальный человек израсходовал бы себя при такой жизни очень быстро, а у Юры был какой-то запас на десятерых.

Связь была, конечно, из-за «Таганки». Люди понимали, что тут, у Любимова, не врут, тут реабилитировали великую эпоху русского авангарда, эпоху Мейерхольда, Станиславского, Таирова, Шостаковича, Эрдмана, и нас это свело. Была дружба из-за театра. И главное — этот рубикон, 1985–1986-й, начало новой эпохи, когда для таких людей, как Щекочихин, уже стало понятно, что старья не будет, что это ложная значительность проигравшей системы коммунизма. Абсолютно проигравшей, потому что страна до нищеты доведена, а барство людей за

кремлевской стеной разваливается от их собственной немощи... И появление Горбачёва, и каких-то новых людей наверху, и защита «Таганки», откуда в это время Любимов был изгнан, это все вместе нас соединяло. Это общее. Отдельное — это великий Карамзин нашей эпохи, Натан Эйдельман. По-моему, они и жили где-то близко. Его необыкновенные книги, его блестящее дарование, его умение работать на публике, что для такого замечательного журналиста, как Щекочихин, было важно. И они были дружны. Наденька, Юрочка, Натан. И мы там, у Натана, встречались тоже. Вот эти перекрестки приличных людей — как Окуджава говорил о «Таганке» — там были хорошие спектакли, но главное, там была компания порядочных людей. Юра был одним из самых порядочных, конечно.

И следующий этап — это театр. Сегодня это один из лучших театров, Центральный детский театр (*прежнее название Российского академического молодежного театра. — Прим. ред.*). Алексей Бородин — великолепный режиссер, автор какого-то необъяснимого воздействия на людей, он не давит, не кричит, не зарабатывает, а только исполняет заветы русского театра, напоминает, что это храм.

Мне дважды посчастливилось с Юрой работать. Первый случай — это 1986 год, переходник эпохи, когда Юрочка принес пьесу по своим безумным работам с молодежью «Ловушка № 46, рост второй». Все совпало с началом нового времени. Юра, который был полностью на новое время заточен, и Бородин, который пришел из какой-то дворянской России и принес новое дыхание в этот счастливый, намоленный уже давно дом, где начинал Эфрос, где работали Кнебель, Ефремов, вдруг возродили какое-то новое дыхание.

Как сам Бородин говорит, Щекочихин с «Ловушкой» и я с «Маяковским» (*премьера спектакля «Мы играем Маяковского» состоялась в 1984 году. — Прим. ред.*) — это было началом нового в театре. Началом какой-то особенной театральной речи, особого взгляда в зал и взаимности с публикой, которая, видимо, по этому скучала, скучала по правде, публицистической и вместе с тем театральной, которую Бородин великолепно воссоздал в «Ловушке». И Маяковский, которым я был болен... Время было тяжелое, мы с Филатовым, Боровским и Шаповаловым работали «в эмиграции» в театре «Современник», но все уже дышало возвращением Любимова и тем, что все будет в порядке. Мы надеялись, что у каждого со временем будет свое здание, у Любимова свое, у Эфроса свое. А потом случилось несчастье, умер Эфрос. И по-другому пошла история в таганских стенах... А здесь, у Бородина, все было счастливо. Потому что в это же время как будто специально, как пушкинское лицейство, были компании — компания Юрия Визбора, Юлия Кима, Юрия Коваля — и были молодые актеры, Весёлкин, Блохин, Дворжецкий — вся эта мощная когорта. Они тогда не знали, что они мощные, они просто веселились, от молодости, от фамилии Весёлкин, наверное...

«Ловушка» и «Маяковский» — то были два прекрасных спектакля, которые сделали и прекрасная компания актеров, и Алексей Бородин. Щекочихин был великолепен как автор и как человек, у которого никаких нет амбиций: мол, сделайте все, как я сказал...

А потом какая-то общая жизнь, на перекрестках Москвы, начало горбачевской эпохи, налаживание того, что называется благородством духа, культуры России, он был одним из лидеров.

Он так быстро бегал, что его не успевали остановить, сказать: «Давайте мы вас сфотографируем», поэтому снимали Ельцина, Бурбулиса и так далее. А Юра, конечно, был очень влиятельным человеком. Но его это не интересовало, его интересовало, когда кому-то можно помочь.

Когда, еще за три года до Горбачёва, оклеветали моего тестя, одного из выдающихся энергетиков нашей страны, Геннадия Михайловича Аксёнова, Щекочихин и Ваксберг пошли в прокуратуру, выясняли, действовали своим журналистским авторитетом. Юра много разговаривал с Геннадием Михайловичем, его уже нет, он увидел в нем похожего на себя человека, только старше, верившего в то, что быть коммунистом — значит быть честным... Юра помогал преодолеть это трагическое время в нашей семье, и мы победили.

А потом мы встретились с ним уже на другом поприще, он сделал сценарий фильма «Щенок» в Одесской студии. Замечательный парень (*Александр Гришин. — Прим. ред.*) его снимал, он очень рано умер. Это был уже 1988 год, уже Таганку восстановили, и «Послушайте!» идет...

Юра позвонил и сказал: «Ты вроде бы отказался сниматься, но я хочу, чтобы ты меня сыграл».

Не такая большая роль, и один эпизод — герой пытается пробиться в «Комсомольскую правду» через мерзавцев-охранников, которые его не пускают.

Юрочка был на съемках.

Запомнившаяся сцена — когда я всю свою ненависть к этим большевистским захватам, приемам репрессивного чекизма, который был в этих вот отставниках, вложил в свою реплику. Отставник сидит на посту и никого не пускает в «Комсомольскую правду», он никому не дает пройти, он главный, он хозяин. Если он может унижить, он унижит. Какой-то хороший мужик играл этого охранника.

Юра потом говорит: ты от самого себя на него рычишь.

А меня прорвало — я рычал на этого дядьку и за Любимова, и за Галкиного отца, за Высоцкого, которого уже не было, — за всех на свете, кого унижали...

Юра время чувствовал обжигающе.

Я назвал Ролана Быкова. Они похожи. Юру и Ролана могли услышать взбунтовавшиеся молодые люди. Помню, из квартиры Ролана, где мы втроем писали статью в защиту «Таганки», они вдруг сорвались, чтобы встретиться с «люберами». Щекочихин ими занимался как журналист, а Ролан был ими обожаемый артист, и эти опасные люди дали знать, что с властями контактировать не хотят, а вот с ними — да. Назначили какую-то встречу, и Ролан поехал, и Юра. Говорить с молодежью на их языке и в то же время возбуждая в них совесть...

Юра был наивен, как и Ролан Быков в своих ролях. Он был мудр как автор и наивен во встречах с людьми, и это ошарашивало.

Юра был одним из самых ярких носителей справедливости.